

Дмитрий БРИСЕНКО

Дмитрий Брисенко родился в 1970 году в городе Великие Луки. Учился в РХТУ им. Д.И. Менделеева (бывш. МХТИ) и на заочном отделении Литинститута (ушел после второго курса). Публикации в журналах «Урал», «Русская жизнь», «Контекст-9», «Вокруг света», «Полдень XXI век», «Химия и жизнь» и др. и в нескольких антологиях современного рассказа (проект «Фрам» издательства «Амфора»). В «Волге» публиковался рассказ «Разбить тачку» (2013, № 11-12).

РАССКАЗЫ

Бэбитай

С. съездил в Таиланд, вернулся оттуда потрясённый, рассказывает: представляешь, там есть такая штука, называется бэбитай. Это такой дикий вариант тайского бокса, вообще для мастеров, которые все ступени прошли. Я ходил по Пхукету и периодически наткнулся на тайцев, которые всё бубнили себе под нос: «Бэбитай, миста, бэбитай, вонт ю си...» Я не понимал, чего они хотят, а потом один из них втохал мне флаер: надпись на английском «бэбитай», на картинке мужик с ребёнком, распечатано на убитом чёрно-белом принтере... Мне стало интересно, и я пошёл. Подвал на окраине города, ну там типа бар, стулья плетёные, в центре – ринг, на стенах плазмы и всё такое. Говорят, что один мастер тайского бокса, когда у него умерла жена, остался один с младенцем. Ну и ходил с ним всё время на руках, укачивал там, ну, ты понимаешь. А чтобы форму не терять – он же боями деньги зарабатывал, стал прямо с ним тренироваться. В тайском боксе руки почти не нужны, ну вот он ногами и махал, а младенец спал у него на руках. Так всё и началось. Кто-то снял его на камеру, выложил ролик на ютубе, тут же набегали ушлые ребята и понеслось. Правила там простые. Выходят в ринг два бойца, каждому дают по спящему младенцу, и начинается бой, в котором разрешены лоукики и хайкики. Попаданий там мало, это больше такая хореография получается, смесь боевого искусства и контемпорари дэнса. Но случается, что и вырубит один другого. А так в основном дерутся/танцуют до момента, когда один из младенцев не проснётся и не завопит. Тогда тому бойцу, чей ребёнок проснулся, автоматом засчитывают поражение. Сейчас бэбитай в Таиланде единоборство номер один, правда, оно пока не совсем легально: отсюда эти флаеры, окраины, подвальчики. Но от желающих посмотреть и поучаствовать отбоя нет, так что официального признания ждать, видимо, недолго. Да ты сам глянь, я сейчас покажу.

Я приподнялся со стула, чтобы уступить С. место у ноутбука, но он одним быстрым движением выхватил у меня из рук спящего младенца М. и, высоко подскочив, с разворота сбил ногой стоявшую на холодильнике вазу с цветами, которые он подарил моей жене по случаю её сегодняшнего дня рождения. Осколки вазы с грохотом разлетелись по кухне.

– Ну как, – орал С., прыгая зигзагами с младенцем М. в руках, – круто, да? Я тренировался! Брал младенца напрокат и тренировался! Там это на потоке! А скоро и у нас тут всё взорвёт, ты уж мне поверь!

Я не знал, что ему ответить, а С., после очередного прыжка упавший плашмя на спину, орал: да ты же можешь, мужик! Харэ просирать жизнь! Хрен ли ты сидишь дома как раскисший выползок! Давай, чувак! Встряхнись! Посмотри на мир другими глазами! Тренируйся! Оглянуться не успеешь, как бэбитай станет олимпийским видом, ты уж мне поверь!

Глаза у С. горели, он кричал в голос от восторга, и уже начинал выводить басом проснувшийся от падения младенец М., на кухню входила заспанная жена, вид у неё был

встревоженный и непонимающий, но понимание было где-то уже совсем близко и начинало проступать на лице в виде хорошо знакомых мне мимических предвестников гнева, я по возможности незаметно опрокидывал последнюю рюмку дрянного тайского вискаря Mekhong и думал, что, скорее всего, С. сочинил эту историю ради эффекта, что его шутки ещё со школы были довольно так себе, а с годами он, очевидно, деградировал, что надо как-то его отвлечь и уложить спать, а лучше всего немедленно выпроводить из дома и залечь самому, потому что завтра вставать ни свет ни заря и переться в Электросталь ради каких-то грёбанных деталей, которые поставщик закупил не те, и теперь я имею дело со взбешённым клиентом, который не понимает, отчего его ниссан встал посреди заснеженной трассы М9, а движок произвёл вот такой звук: ДЫДЫДЫДЫДЫ. И после этих «дыдыды» дальше уже никто никуда не поехал, только летали в предрассветном небе, истошно крича, дикие злые вороны.

Прилипалы

Он мнётся, пытается говорить, слова не выходят, только булькает что-то, он изображает руками фигуры, морщит лоб, тербит чёлку. Его можно понять: зима забрала три дня из его жизни, и чувак реально в ступоре.

Забрала не в смысле три дополнительных к тем 90+, а вот просто вся уложилась в три дня. Он заснул, когда начиналась метель, а проснулся – текут ручьи, и собачьи какашки везде, везде. Три дня минус, всего-то три дня: осень, а за ней сразу весна, круто! Но в голове не умещается, мозги кипят.

А у кого бы не кипели.

Он мычит, потом из него прорывается: «Чёрт, чёрт, чёрт, ну почему?.. да, я никогда не любил чёртову зиму, но так тоже, блин... перебор!»

Плачет, растирает слёзы по щекам.

Тот, кому он это говорит, спрашивает:

– Перец чёрный на сугроб сыпал?

– Ну, конечно, – у него теперь снова получается говорить.

– А в магазине на горке свиная лопатка на кости, по 220? Брал её?

– Да, по 220, брал.

– Хорошо. А тот учебник по стереометрии, с дачного чердака, в библиотеку отвёз?

– Отвёз. Ещё в начале сентября.

– Понятно.

Тот, кому он говорит, хмурит брови, чешет переносицу.

– Ну, то есть вообще-то говоря, ни хрена тут непонятно.

Он опять начинает всхлипывать.

– Ладно, ладно, не паникуй... что-нибудь придумаем.

Разговор происходит неподалёку от магазина «Дикси», куда я шёл за молоком и прилипалами. Зима кончилась вчера, сегодня первое марта, и в этот день часто происходит всякая ерунда. В том году, например, на моих глазах из окна припаркованной машины вылетел руль и покотился вниз по улице, после чего из машины вышла женщина и просто ушла, не сказав никому ни слова. Руль потом подобрали дети и куда-то пристроили. Поэтому я не особо всему этому удивляюсь, услышал – промотал; всякое бывает. Меня больше занимают прилипалы: если сегодня среди них не окажется перца в повязке нинзя, мой сын Петя сделает мне выговор. Арбуз есть, и вишня есть, и черника – аж в двух экземплярах, и даже косорылая картошка. А перец-нинзя всё не попадётся.

Я незаметно сыплю чёрный перец на растаявший сугроб – в наших краях это считается верным средством приманить удачу – и, перекрестясь, захожу в магазин.

Яркий свет неоновых ламп бьёт по глазам, я шурюсь и в мелькании разноцветных точек едва различаю кассира. Она приветливо мне улыбается – узнала. Пока я иду к

полкам, прилипали тащат спички, кто-то из них сегодня отправится к нам домой, но я этого не вижу, потому что моё внимание захватили акционные товары. Ух! – глазам не верю, скидка 75 процентов, по случаю первого дня весны. Надо брать, и я беру. Беру столько, чтобы всё уместилось, но потом, конечно, прихватываю ещё пару совсем завалящих штук.

Они все такие красивые, на загляденье.

Ну просто ух.

В Чертаново!

– Чуваки, не продадите корабль?

– Не-е-е, у нас нет. А хотите, давайте с нами?

И мы даём. Сначала я, потом А.К., глубокий вдох – пауза – выдох, блаженные улыбки на лицах, в плотных клубах дыма люди справляют нужду, смотрят искоса, но не возражают. Мы в туалете, а над нами, на сцене театра Станиславского, идёт концерт «Звуков Му». Рок в театре, трава в сортире – всё это довольно странно, даже по тем временам, когда всё менялось каждый день. Концерт отличный, но я не буду о нём рассказывать, да и не про концерт же, когда тут такое. «Тут» – это уже на Тверской, а «такое» – ну вот такое: выходим из театра, а там уже стоят сомкнутым кругом люди, человек шесть, и среди них один совершает руками такие характерные движения – как будто на левой ладони у него горка песка, а в правой руке – маленькая лопатка, и он этой лопаткой песок из горки вычерпывает. Подходим мы к этой их песочнице: «Чуваки, а не продадите, например, корабль?» «Нет, – говорят, – у нас у самих мало. А вот угостить – да ради бога». Впустили нас в круг, а там удивительная конструкция: одну папироску как-то хитро насадили на другую и получился косяк размером с самоварную трубу. И вот взорвали его и пустили по кругу. Трава, в отличие от той, что мы выкурили в туалете, оказалась атомная (ударение на «о», если кто не помнит), мы тут же это ощутили.

И вот стоим мы такие ощутившие на главной улице города, а вокруг людские толпы, фонари, машины, шум-гам! Оборачиваюсь я назад, а там – ментовский газик! Метрах в ста от нас, стоит прямо на тротуаре. В нём, правда, никого нет. Но тут не до нюансов. Мы с А.К. занервничали: «Ребята, ребята! Давайте уж поскорей закончим, там сзади ментовская тачка!» А те только добродушно ухмыляются: «Да ла-а-адно, фи-и-гня-я-я». А самовар этот (ох, мамочки!) всё никак не кончится. Молодцы, конечно, клёвая инженерная придумка, но, ребят, когда же уже всё! Сколько времени прошло, час мы тут стоим или сколько? Но всё проходит, прошла и эта раскурка, случайная, прекрасная. Мы взяли чей-то номер, получили на десерт остатки травы («берите, берите, если что, телефон у вас есть») и разошлись. Путь до Пушкинской длиной в три минуты занял примерно вечность; очухались мы лишь где-то глубоко под землёй.

После нескольких дней, наполненных глубокомысленными разговорами и беспричинным радостным смехом, обнаружилось, что запасы на исходе. Так-так, а где-то был телефон этих парней? В каком-то кармане? Ага, вот он. Набор номера, гудки. «Алло. Привет, это такой-то, делали с вами недавно вот такое, где-то там, помните?» – «Да-да, привет, помним-помним!» – «Мы можем повстречаться?» – «Да не вопрос! А приезжайте-ка к нам в гости? Мы в Чертаново живём. От метро на автобусе пару остановок, потом чуток пешком. Ну что, приедете?»

Про Чертаново мы знали лишь только то, что это отдаленный район внизу серой линии и что там происходит одна из ключевых сцен фильма «Гонгофер». Картину эту на днях показывали по телику, и она произвела сильное впечатление. Кто-то рассказывал, что в Чертаново экспериментальная застройка, типа спальный район, но особенный. У кого-то даже жили там не то знакомые, не то родственники.

Поехали туда я и мой однокурсник М.А. По ориентирам быстро нашли дом. И вот стоим мы с М.А. у дверей в квартиру и как-то так впервые за всю поездку призадумались. Тут же дурь продают – ну, типа наркотная хата, типа притон. Люди там разные. Шприцы на полу, тела. Ого, о чём мы вообще думали? Вот же, блин, засада... Но мысли мыслями, а палец уже давит на кнопку, звонок тренькает и выводит нас из оцепенения. Дверь открывается, в проёме возникает тот самый чувак, что поделился с нами остатками своей флотилии. При дневном свете он выглядит вполне цивилизованно: невысокого роста, с небольшой бородкой. Аккуратный. Улыбается. Совсем не страшный. «Заходите, – говорит, – мы тут как раз собрались шибануть». Заходим и сразу на кухню (было начало осени, так что раздеваться не пришлось, а обувь – да не надо, говорит, не снимайте).

Сидят там четыре бублика, вполне себе опрятные, виду незлого, разбирают и собирают папиросу. Потом мы покурили. И тут же вторую запустили. Докурили, отдали хозяину деньги, а он нам – несколько небольших бумажных пакетиков, посидели немного, делать вроде нечего, бублики о чём-то своем сидят посмеиваются, «а можно, – говорю хозяину, – мы тут немного походим?» «Конечно!» – улыбается. Душевный оказался человек. Кормил нас кашей гречневой и котлетами. Но об этом потом.

Заходим в первую от кухни комнату. Окна плотно занавешены, на столе лампа горит и полумрак. Лежит на диване девушка. За нами входит в комнату один из тех бубликов, подсаживается к ней. У девушки, как выясняется, болит голова. Вполне трезвая девушка, на вид очень милая. «А таблетку, – спрашиваю, – принимала?» «Ну да, – говорит, – принимала. Только не проходит». Потом она поднялась с кровати и вышла, и оказалось, что бублик завёл катушечник, и заиграла знаменитая песня, в которой есть такие слова, многим известные: this is the-e-e eeeeeeeeeennnd. Песня эта длинная, сложно выстроенная, вся на контрастах между паузой и взрывом. Долго мы её слушали, и напряжение то нарастало, то спадало, то опять нарастало. Втроём стояли и слушали, молчали и никто, кажется, даже не поменял позу, в которой был застигнут этим мощным музыкальным произведением. Молча дослушали до конца, а потом – щёлк! – бублик останавливает бобину, включает свет, и мы оказываемся внутри безумно яркого коллажа: вся комната от пола до потолка обклеена вырезками из журналов с фотографиями всяких крутых рокеров. Это был настоящий музей, зал славы архатов тяжёлого рока и метала! Со стен смотрели на нас волосатые монстры рока, и мы с М.А. ходили вдоль, а бублик улыбался, глядя на нас, и иногда что-то комментировал. «О! – показывал я М.А., – гляди, Оззи Осборн!» «Точно! – смеялся М.А. и тыкал в другую фотку. – Глянь, какая смешная морда!» «Жа! – вторил нам бублик, – жа!» (На самом деле он говорил «да», просто клавиши «д» и «ж» рядом, и я сначала не попал по нужной, а потом подумал и решил оставить: это больше соответствует тому, что там происходило.) Было весело, и мы смеялись, не сдерживая себя, так как вышли наконец из зоны серьёзного покрытия и оказались в эпицентре лёгкой, чистой радости.

Потом мы перешли в другую комнату. Она была не менее интересной: голые стены со следами содранных обоев и огромный бильярдный стол, за которым двое ребят катали шары. Бильярд был установлен в самом центре комнаты, над ним висела зеленая лампа. Мы с М.А. играть особо не умели и просто посмотрели за игрой, потом прошлись вдоль стен туда-обратно и как-то вдруг устали. А тут и хозяин как из табакерки. «Вы можете пока там, – показывает через коридор в сторону последней комнаты, где мы ещё не были, – телевизор посмотреть, а я сейчас чего-нибудь пожарить приготовлю». Уходит. Мы садимся на кровать. Она огромная. Все чистенько и прибрано. В углу светится маленький телек. Мы тупо в него втыкаем. Нам очень хорошо. А дальше начинается какая-то мистика.

Хозяин приносит еду: две полные тарелки гречневой каши, котлеты, чёрный хлеб, кетчуп, вилки, сплошь какая-то нереальность. Уходит опять. Мы начинаем смотреть некую короткометражку. Я потом рассказывал содержание многим, но это бесполезный факт. Похоже, что кроме нас с М.А. никто этот фильм тогда не видел. Там история такая. Маленькую девочку бьёт и выгоняет из дома мать-алкоголичка, девочка уходит в

пристанционный лес, где у неё тайное место с игрушками. И вот она полфильма с ними разговаривает, потом у неё вдруг начинается истерика, она кидает плюшевого медведя в лужу, прыгает на нём, отрывает лапы. Потом начинает плакать, просит у него прощения, набивает разорванное брюхо песочком. И как-то ей вроде легче становится, но потом снова накатывает грусть-тоска, она просит прощения у игрушек. В этот момент слышит, как её зовёт мать, перед глазами возникает нарезка из страшных домашних сцен, девочка опять в слёзы, и вот она бежит, бежит, бежит, и – с крутого обрыва в озеро. This is the end.

Мы с М.А., правда, доели всё, что было в тарелках. От фильма нас так вштырило, что мой друг, помню, спросил: «А вот это что, реально сейчас по телику показали?»

Я до сих пор не знаю. Мы сидели перед пустыми тарелками и ждали, когда появится хоть кто-нибудь. М.А. наклонился ко мне и равнодушно сказал: «Они нас отработывать заставят». Но обошлось – вернулся хозяин, мы сдали ему пустую посуду, поблагодарили, пообещали не пропадать, быстро со всеми попрощались и пошли к метро. Через экспериментальную позднесоветскую застройку – там действительно встречались интересные здания.

Несколько месяцев мы собирались навестить нашего приятеля, потому что трава была чертовски хороша. Но, видимо, что-то засело в нас. Так и не собрались. А потом я потерял бумажку или записную книжку с этим телефоном.

Мои судьбоносные встречи

Однажды видел в вагоне метро знаменитую волейболистку Екатерину Гамову. Гамова выделялась ростом даже сидя и была прекрасна в роли инопланетянки, оказавшейся в компании земных существ. За время поездки к ней пару раз подходили за автографом.

В другой раз ехал в одном вагоне с Борисом Немцовым. Борис Немцов был с чемоданом и симпатичной спутницей. Оба вышли раньше меня, где-то в центре.

Как-то раз оказался в двух шагах от Жириновского, который прогуливался с охраной в подземном переходе под Манежной площадью. Жириновский заглядывал в окошки ларьков и с хитровой улыбкой спрашивал у продавцов: «Ну что, как жизнь? Достал уже этот старый алкоголик?»

На выставке Митьков, поддавшись ажиотажу, взял автограф у Макаревича. На газете «Северное слово», которую мы с моими компаньонами из универа продавали с лотка вместе с эротической газетой «Ещё» и другой полиграфической продукцией похожего толка. Макаревич раздавал автографы с видом отрешённым и усталым. Газета многие годы пролежала где-то на полке, и конец её был как и у всех газет: обёртывание фарфора при переезде, сдача в макулатуру, использование в качестве растопки для мангала.

Однажды в Макдональдсе ко мне обратился Владимир Владимирович Шахиджанян с предложением купить компакт-диск с его сочинениями. Я купил. За 150 рублей. В качестве бонуса Владимир Владимирович подарил мне коробок спичек с принтом «1001 вопрос про это» и расписался на диске. Владимир Владимирович был окружён юношами и отдавал распоряжения. «Возьми», – кивнул на деньги одному. «Ну, заказывайте!» – другому. «Что, мороженое?» – третьему. Юноши были все высокие, на две головы выше Владимира Владимировича, едва ли не модельного склада и обращались друг к другу по имени-отчеству. Подписав диск, Владимир Владимирович крепко пожал мне руку.

В бытность мою студентом наблюдал во дворе МХТИ Маргарет Тэтчер. Премьерша приезжала в институт выступить перед студентами и выпускниками, но меня и моих друзей на встречу не пустили – там был сплошной комсостав и партийный актив. Мы застали только её отъезд. Зато оказались прямо у окон лимузина, Мэгги велела охраннику опустить стекло и с веселой улыбкой сделала нам ручкой.

В бытность мою школьником врезался в Гафта. Если точнее, наша машина – в его машину. Отец мой вышел, и о чём-то они поговорили. Потом папа мне говорит: «Ты знаешь, кто это? Это Гафт». А я сразу его узнал: «Гонки по вертикали», «Чародеи» – клёвые фильмы. Потом был ремонт машины и её продажа лет через двадцать. В промежутке – просто жизнь и фильмы с участием Валентина Иосифовича, с которым мы больше никогда не виделись. Это был довольно редкий, так сказать, формат встречи, но уж как вышло – так вышло.

А когда я был семи лет отроду, к нам домой приехал Олег Попов – бог, царь и герой всех детей. Его как-то уговорил импрессарио заехать на завод, на котором работал директором мой отец. После завода – баня, после бани – наш дом. И вот звонок в дверь – и я вижу на пороге человека, отдаленно напоминающего всеобщего кумира. В рубашке, как у всех, с улыбкой, как у обычного человека, с причёской, как на среднем снимке в фотосалоне. Ни красного носа, ни жёлтых волос, ничего... Он похлопал меня по плечу, пошутил, показал нехитрый фокус и отбыл в мир взрослого застолья. Весь вечер смотрел на него, силясь увидеть хотя бы отблеск того великого человека с телеэкрана. Но тщетно. Так и не увидел.

Пряники

Однажды я заболел. Ничего страшного, обычный зимний вирус, но температура подскочила под сорок. Я лежал на старой продавленной кровати в съёмной комнате с красным деревянным полом и красными обоями. Мне было трудно и лень пошевелиться. Нужно было встать и заварить, например, свежего чаю, но я не мог даже перевернуться на другой бок.

Так и лежал пластом.

И тут в комнату вошел отец.

Его визит, из Подмосковья, из почти лап черта, сквозь тайгу и морозы, на грохочущей электричке, в тамбуре которой растут обжигающие ладонь ледяные сталактиты, тронул меня до слез. Отец присел ко мне на кровать и задумчиво стер ледышки с бровей и усов. Он сидел и смотрел на меня и едва заметно улыбался. Как тогда, когда я ехал на санках, закутанный в шарф, и скрипели по снегу подошвы отцовских валенок, и с каждым шагом неумолимо приближалась железная ограда детского сада. И тогда отец, не сбавляя шага, оборачивался и улыбался, глядя на меня, а над ним горели в небе звезды, и я понимал, что всё будет хорошо. А что меня опять везут в детский сад, где на голову валятся, рассекая кожу до крови, деревянные кубы, где противная Ленка травит в туалете байки о том, что она будет делать, когда вырастет (накопит денег и купит ковёр у спекулянтов), а Паша ведёт себя так, что ему хочется врезать, только он в два раза больше меня и сильнее – со всем этим уже можно было смириться.

Отец сидел и смотрел на меня, и морщинки вокруг его глаз то исчезали, то появлялись опять. Затем он подошел к столу и начал раскладывать принесенную провизию, кипятить воду, заваривать чай. Потом покачал головой, глядя на то, как столбик ртути почти уже упёрся в тупой конец градусника. И тихонько, без долгих прощаний, засобирился назад – в промерзшее до дна Бисерова озера Подмосковье, где при свете луны опасно блестят клыки залетного люберецкого бойца, а снега навалило до подоконника.

Очнулся, когда он уже ушел. Поднялся с кровати, подошел к столу.

На столе бросился в глаза пакет с пряниками.

Что-то с ними было не так.

Почти сразу я понял: они были розовые.

Я немного постоял в раздумьях, пытаюсь понять, отчего бы это прянику быть розовым, если самой природой установлен для него коричневый цвет? Может, оттого что красные обои светят отраженным светом?

Вероятно, это из-за бредового состояния. Подумав так, я опять лег. На следующий день температура спала, и захотелось наконец есть. Я подошел к столу. Пряники были окрашены все в тот же нежный розовый цвет. Неужто это последствия моей болезни (и розовый цвет у пряников – лишь вершина айсберга, а настоящий ужас впереди)? И виной тому мое нежелание надевать шапку, даже в самые крепкие морозы?

Горестные мысли, как говорится, вихрем пронеслись в голове.

Но вот я откусил от пряника – и тут же прозрел.

Это был клюквенный пряник.

Так состоялось наше знакомство. Наверное, впервые я осознал, что наступила новая эра. Круглый коричневый пряник сдал позиции, проиграл войну. А вместе с ним и другие продукты советского пище- и прочего «прома». Отряды пряников с начинкой добивали тульских ополченцев, баблгамовая триада (мятная, апельсиновая, клубничная) пала под натиском толстеньких кубиков «Love is» и набравших обороты «риглисов» и «стиморолов», фанта с ананасовым вкусом и водка с ароматом ванили уже не воспринимались как понятия из словаря иностранных слов. Как и рыбий жир со вкусом – боже, боже – апельсина и клубники. Вся эти новинки прокладывали дорогу в светлое, как тогда казалось многим, будущее...

Впрочем, эта история не о будущем. И не о переменах. И даже не о пряниках. Она, скорее, о том, что память – камера хранения, где в одной ячейке хранятся семейные альбомы, а в другой – коробка со взрывчаткой. Жизнь долгая, случалось всякое, и слава богу, что с годами динамит отсыревает и становится ни на что не годен. Зато запах старой отцовской кожаной куртки, в которую можно было завернуться целиком, напротив, всё ощутимей.

Точка памяти

Когда нужно о чём-то не забыть, я ставлю ручкой небольшую точку на тыльной стороне ладони. На перемычке между большим пальцем и указательным. Я понимаю, что это странная олдскульная дурь, но ничего не могу с этим поделать.

Сегодня вместо точки я нарисовал маленькую букву «т», по какому-то особому случаю. И конечно, теперь не могу вспомнить, к чему эта буква «т» призывает мою память. Купить туалетную бумагу? Да вроде нет. Прочитать какой-то текст? Слишком неконкретно, хватило бы и точки. Что-то с телефоном? В телефоне давно надо починить сломавшуюся камеру, но точно не сегодня. Может быть, что-то совсем абстрактное? Треники? Трамп? Травоядное?

А может, тишина? Тишина – это когда дети уже спят, и вот она наступает, одновременно с ночью. Вот что это такое. Побывать в тишине, да. Ощутить отсутствие громких звуков. Как пишут в рекламных проспектах, насладиться каждым мгновением тишины. Гудит холодильник, поскрипывает комп – это не абсолютная тишина и не та тишина, о которой пел «Наутилус». Приятный и не слишком долгий отрезок времени, когда сидишь и думаешь о какой-нибудь никчёмной фигне. Или пялишься в фейсбук. Или стоишь, оперевшись руками о подоконник, и смотришь в окно. Или стоишь, прислонившись к дверному косяку, просто так, без всяких мыслей в голове.

Вечер пятницы, дети спят и наступает время буквы «т» – немного расфасованной домашней тишины. И вот я пишу в тишине о том, что не могу вспомнить, по какому поводу написал на руке букву «т». Но это не важно. К тому же я уже вспомнил: это книжка Александра Тимофеевского, которую я взял почитать на работе, но, разумеется,

даже не открыл – слишком мало было тишины. И вот книжку нужно вернуть обратно. Беру ручку и зарисовываю «т». Теперь это жирная точка и я не забуду.